

Традиция американского антиимпериализма и мировые войны XX века

Александр Фоменко

Историк и политолог, депутат Государственной Думы IV созыва

alexanderfomenko@inbox.ru

Отношение Американской республики к старому европейскому «империализму» всегда было весьма подозрительным¹; и оба течения американской внешнеполитической мысли - и изоляционизм, и даже интервенционизм - были, по сути, психологической реакцией на этот раздражитель. Из этих двух разнонаправленных стереотипов внешнеполитического поведения - желания не походить на Европу и желания походить на нее во всем, - имевших один и тот же источник, в течение первого столетия американской истории явно преобладал первый.

Неслучайно в конце XIX века именно и только американцы достаточно серьезно отнеслись к почину государя Николая II созвать международную конференцию по ограничению вооруженных сил и вооружений - с целью попытаться прекратить или хотя бы замедлить тогдашнюю гонку вооружений, а также упорядочить способы ведения военных действий и мирного разрешения международных споров. (Сами Соединенные Штаты не демонстрировали тогда амбиций великой военной державы в традиционном понимании этого слова: американская армия вплоть до Первой мировой войны насчитывала всего сотню тысяч человек.)

Когда 12 (24) августа 1898 года министр иностранных дел России граф М.Н. Муравьев ознакомил иностранных послов в Петербурге с соответствующим императорским рескриптом, европейцы погрузились в спекуляции о том, какие соображения (и какие лица) могли повлиять на этот шаг самодержавного государя. До того предложения об ограничении вооружений поступали лишь от парламентариев различных западных стран - членов Межпарламентского союза², но вовсе не от глав великих держав. Но затем началось все же обсуждение существа дела: ведь интеллектуальная почва для этого была уже подготовлена как на Западе³, так и собственно в России.

Монументальный антивоенный труд известного железнодорожного магната и экономиста И.С.Блюха «Будущее войны в техническом и политическом значении» вышел как раз в 1898 году и был сразу переведен на главные европейские языки. Автор удостоился неслучайной аудиенции у императора, весьма заинтересованного темой «снижения уровня военного противостояния в мире», как бы мы сегодня выразились.

В 1899 году мирная конференция в Гааге состоялась⁴, но европейские великие державы, к сожалению сторонников мира, так и не смогли преодолеть взаимного недоверия и ревности: разоружения не получилось. Хотя гаагский международный арбитраж для мирного разрешения международных споров был все-таки создан⁵. При этом именно американская делегация во главе с Эндрю Диксоном Уайтом, основателем Корнельского университета и бывшим послом в России (1892-1894 гг.), имея собственный план

создания международного третейского суда, особенно много сил употребила для достижения соглашения по этому вопросу. Соединенные Штаты стали в 1902 году и первым государством, прибегшим к услугам Гаагского суда в своем финансовом споре с Мексикой.

Затем эту идею русского государя о международной конференции активно поддержал американский Президент Теодор Рузвельт - больше известный в истории своей «дипломатией большой дубинки»⁶, а также своей интервенционистской позицией (уже как частного лица) во время Первой мировой войны. Благодаря именно его содействию⁴, в 1907 году была проведена вторая Гаагская конференция. В ходе ее было заключено большое количество международных соглашений относительно правил ведения войны и защиты международной торговли, хотя и на сей раз никаких обязывающих мер по ограничению вооружений принято не было.

В начале XX века Европа все еще слепо надеялась на военную силу: ради овладения желанными ресурсами и территориями европейские державы тратили огромные средства, вначале - на развитие своих вооруженных сил, а затем - на их применение. Со всеми вытекающими отсюда последствиями - до, во время и после войны: с хорошими заработками производителей вооружений и кредиторов, обеспечивавших сделки с ними, и с тяжелыми политико-экономическими и безвозвратными людскими потерями всех воюющих сторон.

В то же самое время в Америке Президент Уильям Г. Тафт, в 1909 году пришедший на смену Т. Рузвельту, проводил первые успешные испытания совершенно другой внешней политики - так называемой «дипломатии доллара», кредитами и инвестициями обеспечивая себе контроль над ресурсами и территориями Центральной Америки⁷.

Тафт действовал при этом не спонтанно, а по зрелому размышлению: в правительстве своего предшественника Т. Рузвельта он был министром обороны, а до того исполнял должности гражданского губернатора Филиппин (1901-1903 гг.) и временного губернатора Кубы (1906 г.), двух бывших владений испанской короны, перешедших под контроль Вашингтона после войны 1898 года. Кроме того, уже в конце 1907 года, готовясь к президентской гонке, он совершил долгое заграничное путешествие, в течение которого посетил по очереди Японию, Китай и Россию и лично оценил перспективы развития этих тихоокеанских стран⁸.

Тафт проехал по вновь построенной Транссибирской железной дороге от Владивостока до Санкт-Петербурга, своими глазами увидев бурное хозяйственное развитие Сибири⁹, которое, по его мнению, должно было в будущем превратить эти земли между Тихим океаном и Уралом в одно из самых процветающих и многонаселенных мест в мире.

Экономические успехи русских в Сибири вызывали в нем не беспокойство или ревность, а

⁴ Он же предложил свое личное посредничество для скорейшего завершения Русско-японской войны, как когда-то Александр I содействовал завершению американско-английской войны 1812-1814 гг. (Как обычно в таких случаях, обе Высокие договаривающиеся стороны имели основания подозревать посредника как в «подыгрывании» друг другу, так и в преследовании своих собственных интересов.)

² Тафт знал о России больше многих американских политиков и чиновников, ибо его отец Альфонсо Тафт в течение двух лет был американским послом в Санкт-Петербурге в царствование Александра III.

желание обеспечить американским компаниям достойное место на этом вновь возникающем рынке старого торгового партнера и еще более сблизить, таким образом, русскую и американскую цивилизации⁹. У. Тафт не только вспоминал о «традиционной дружбе» России и США и былых «великих свершениях» в их взаимной торговле, но и был уверен в том, что и русско-американская торговля, и их «дружба» будут только усиливаться в будущем¹⁰.

Сочетание «идеализма» и «коммерческих интересов» было, похоже, естественным для Тафта. Сам он впоследствии, уже став президентом, объяснял преимущества своего нового курса во внешней политике следующим образом: «Дипломатия нынешней администрации стремится соответствовать современным принципам коммерческих взаимоотношений. Отличительным признаком этой политики является использование долларов - вместо пуля. Которое, в равной степени, отвечает как идеалистическим человеколюбивым чувствам, так и оправданным требованиям политики и стратегии и разумным коммерческим интересам»¹¹.

Видимо, определенные цивилизационные различия между Соединенными Штатами Америки и разъединенной тогда Европой послужили основой для безусловного первенства американцев в выработке нового понимания целей и задач внешней политики, возможностей и способов внешней экспансии государства, в конечном счете современных принципов геополитического поведения великой державы.

Казалось бы, не многоопытные европейцы, а очевидно не искушенные в хитросплетениях конкуренции тогдашних великих держав американцы сумели вовремя осознать, что фактический контроль над хозяйственной и политической жизнью той или иной территории гораздо более важен, нежели контроль официальный. И для достижения фактического контроля над территорией вовсе не обязательно менять государственные флаги и гимны. Именно поэтому военная составляющая американской внешней политики, по сравнению с невоенной, могла играть явно вспомогательную роль, и это вовсе не считалось и не было слабостью созданной ими системы¹².

Первыми, кажется, серьезными попытками пробудить у Америки военные амбиции, запугав ее опасностями японских десантных операций на Филиппинах¹³ и ее западном побережье и убедив в необходимости создания мощной армии, были две книги амбициозного военного теоретика Гомера Ли¹⁴. Автор их грезил единством американо-британской саксонской мировой империи, могущей, в союзе с восстановленной мощью Китая, противостоять германской, русской и японской мировой экспансии, хотя об экспансии на североамериканскую территорию речь, впрочем, не шла¹⁵. Происходило это в пору укрепления против Германии француско-британско-русского блока, на стороне которого в будущей войне выступили, как известно, и Япония, и США: взгляды Г. Ли³, очевидно, противоречили не только господствовавшим в торгово-экономических и политических кругах США настроениям, но и геополитическим реалиям того времени.

Опыт Тафта (вполне, кстати, соответствовавший духу отцов-основателей США) не получил тогда своего развития, уже пришедший ему на смену Президент-демократ

³ Вершиной военной карьеры Г. Ли, скончавшегося в возрасте 36 лет, стали должность военного советника вождя китайской революции Сунь Ятсена и чин генерала его революционной армии: в американской армии он не служил.

Вильсон при решении различных центральноамериканских проблем вернулся к практике использования морской пехоты: эти операции, впрочем, в силу своего локального характера, не были «войнами» в европейском смысле слова. Но Вильсон был слишком идеалистом и глобалистом, чтобы сосредотачиваться на проблемах лишь Западного полушария - в то время как в Европе летом 1914 года началась настоящая война на уничтожение, и сторонникам вовлечения Америки в эту мировую⁴ войну было гораздо легче иметь дело с ним, нежели со здравомыслящим Тафтом.

Но столетняя традиция американского изоляционизма - не только практически-дипломатического, но и концептуального, идеологического - была все еще очень сильна в начале XX века: понадобилось целых три года Великой войны в Европе, чтобы записной пацифист Вудро Вильсон решился на заокеанскую интервенцию, а Конгресс - поддержал его.

В первое время после начала Мировой войны Соединенные Штаты сохраняли строгий нейтралитет и ничто не предвещало будущего их отказа от этого нейтралитета. Ведь американцы тогда совершенно не были вовлечены в европейские континентальные распри; Германия была совсем не чужой страной, по меньшей мере для трети американцев немецкого происхождения, а германский император Вильгельм пользовался огромным авторитетом в США. В самый канун всеевропейской войны, например, летом 1913 года, в пору празднования 25-летия его правления, влиятельная «Нью-Йорк таймс» назвала Вильгельма «главным миротворцем»¹⁶; а бывший Президент У. Тафт (только что проигравший президентскую гонку В. Вильсону) заявил, что император Вильгельм «в предыдущую четверть века сделал для практического поддержания мира во всем мире больше, чем все другие лица»¹⁷. Даже чрезвычайно влиятельный тогда внешнеполитический советник американского президента Эдвард М. Хауз (известный больше как полковник Хауз), будущий архитектор вступления Америки в войну против Центральных держав, будучи послан весной 1914 года в Европу в качестве личного представителя Вильсона, не нашел повода сомневаться в миролюбии германского императора¹⁸.

Поэтому, когда в начале 1915 года Вильгельм попросил Президента Соединенных Штатов передать в Лондон предложения о мире на основе вывода немецких войск из Бельгии и оплаты Берлином послевоенного восстановления страны¹⁹, Вильсон вновь отправил в Европу Э. Хауза²⁰. Последний провел переговоры в Берлине с заместителем министра иностранных дел Циммерманом относительно возможности прекращения войны. Обстановка казалась подходящей: судя по свидетельству американского посла в Великобритании Уолтера Пэйджа (бывшего, кстати, горячим сторонником вступления Соединенных Штатов в эту войну на стороне союзников), даже в высших лондонских сферах существовали сомнения относительно того, «стоит ли одерживать полную победу столь высокой ценой - ценой жизнью практически всех здоровых мужчин в Европе»²¹.

Эти сомнения перестали оказывать влияние на действия британского правительства лишь с приходом к власти в декабре 1916 года той фракции либералов, которую возглавлял Ллойд Джордж²², предпочитавший вести переговоры не с немцами и австрийцами - о

⁴ Война эта была *мировой* хотя бы потому, что в ней со стороны держав Согласия участвовали мировые колониальные империи. Что касается Центральных держав, то у Германской империи не было обширных колониальных владений, империя же Австро-Венгерская была чисто европейским государством.

перемирии, а с американцами - о вступлении их в европейскую войну, плохо понимая при этом «цену вопроса» для самой Британской империи.

Между тем в письме своему другу Э. Хаузу в декабре 1915 года посол У. Пэйдж выражался вполне ясно: «Во всех наших делах с британцами, общественного или личного свойства, мы создаем впечатление, что они ведут нас: но это не так. Мы ведем их. И они будут следовать за нами, если мы действительно будем ведущими и если будем учтивы с ними. <...> Если мы будем готовы к чуткости и хорошим манерам в течение десяти лет, я уверяю, что Джеллико⁵ будет есть у нас с руки»²³. Интересно при этом, что степень «сотрудничества» американского посла с британским министром иностранных дел Э.Грэм доходила до совместной подготовки ими британских ответов на официальные запросы американского Государственного департамента, что вызывало возмущение даже сочувствовавшей странам Антанты «Нью-Йорк таймс»²⁴.

Британской пропагандистской машине и пробританской прессе в США долго не удавалось изменить нейтралистский настрой американской публики²⁵. Даже после инцидента с «Лузитанией» (7 мая 1915 г.), в полной мере использованного для разжигания антигерманских настроений, американский избиратель настолько не желал вовлечения Соединенных Штатов в войну, что официальным девизом президентской избирательной кампании Вильсона в 1916 году стали слова: «Он удержал нас от вступления в войну!»

Сам Вильсон, впрочем, изначально демонстрировал (в узком кругу - не на публике!) склонность прощать Великобритании многочисленные нарушения ею официального американского нейтралитета, притом что он же требовал от Германии строгого соблюдения норм так называемого международного права. И уже в начале 1916 года на специальной встрече с лидерами Конгресса Вильсон зондировал (безуспешно!) возможность получения поддержки членов обеих палат в случае, если он решится на вступление в войну на стороне держав Согласия. Подобное лицемерие американского президента в конце концов заставило его государственного секретаря Уильяма Дженингса Брайана, убежденного сторонника нейтралитета и пацифиста, уйти в отставку²⁶, после чего во главе американской дипломатии стал вполне пробритански настроенный Роберт Лансинг.

Американский историк Харри Э. Барнс приводил несколько объяснений тому, почему ко времени своего второго президентского срока Вильсон из «голубя» обратился почти в «ястреба». Важнейшей причиной этой резкой перемены внешнеполитического курса администрации Барнс считал «преимущественно англосаксонскую интеллектуальную перспективу» американского президента, бывшего одним из многих тогда адептов «англосаксонского мифа»⁶ и мало или совсем не знакомого с культурой и общественными институтами континентальной Европы²⁷. Среди других факторов историк называл не только воздействие на Вильсона проанглийски настроенных членов его кабинета (таких как министр обороны Л. Гаррисон или министр сельского хозяйства Д. Хьюстон), послов (как У. Пэйдж) или его внешнеполитического советника полковника Э.Хауза, но даже и

⁵ Адмирал Джон Р. Джеллико (1859-1935 гг.) - во время Великой войны в качестве Первого лорда Адмиралтейства руководил военно-морскими силами Британской империи.

⁶ Х. Барнс считал важным и тот факт, что В.Вильсон готовил свою диссертацию в семинаре известного историка Герберта Бакстера Адамса в университете Джона Гопкинса, где властвовали представления о том, что своими политическими идеалами и свободами Америка обязана преимущественно англосаксам.

прямое влияние новой первой леди Эдит Гэлт Вильсон^{7*}, женщины весьма властной, а также критику его действий такими известными - и влиятельными - сторонниками войны, как бывший Президент Т. Рузвельт²⁸.

Надо признать, что сам по себе факт участия Соединенных Штатов в Великой войне не оказал решающего влияния на политическую культуру страны, все еще остававшуюся в достаточной степени изоляционистской и континентальной. Именно поэтому американский Конгресс, контролировавшийся республиканцами, на протяжении 1919-1921 годов столь упорно отказывался ратифицировать Версальский договор, так неосторожно подписанный интервенционистом-демократом Вильсоном. И именно поэтому интервенционистская программа Вильсона не нашла отражения и в официальных предвыборных платформах демократов - ни в 1924-м, ни в 1928 годах²⁹.

Впрочем, достаточно идеалистический вильсоновский интервенционизм не был все же империализмом в общепринятом сегодня смысле слова. Так, на Версальской конференции абсолютный победитель в войне - Президент США, в отличие от всех иных своих союзников, не требовал от проигравших держав ни денежных контрибуций, ни территориальных приращений.

Формальным поводом отказа от ратификации этого договора послужило нежелание Вильсона согласиться с поправками и дополнениями председателя сенатского комитета по международным делам Г. Кэбота Лоджа, но взаимная личная неприязнь этих двух лиц стала лишь отражением глубоких противоречий между так называемыми интернационалистами и защитниками американского суверенитета. Надо заметить, что это был домашний, старый спор внутри американского правящего класса: идеологию «англосаксонского мифа» разделяли как Кэбот Лодж, так и его противник Вильсон⁸, но в отличие от последнего он был последовательным американским империалистом, с самого начала Великой войны призывавшим к вступлению в нее Соединенных Штатов на стороне Согласия. После же заключения перемирия, в отличие от В. Вильсона с его знаменитыми «Четырнадцатью пунктами» и идеологемой «мира без победителей и побежденных», Г. Кэбот Лодж выступал за полное сокрушение военного и экономического потенциала Германии - в соответствии с римской максимой: «Горе побежденным!».

После того как Вудро Вильсона разбил паралич и фактически «исполняющей обязанности» главы Белого дома оказалась первая леди, шансов на ратификацию Конгрессом Версальского договора не осталось вовсе. В 1924 году, незадолго до смерти, Вильсон, по словам его дочери Элеоноры Вильсон МакАду, вполне смирился с этим своим поражением, говоря, «если бы мы вступили в Лигу, к чему я стремился, это было бы моей большой личной победой. Но это бы не сработало, потому что в глубине души американский народ не верил в нее»³⁰.

^{7*} После смерти в августе 1914 г. своей первой жены Элен, которая всячески поддерживала его пацифизм, Вильсон очень недолго пробыл вдовцом: в марте 1915-го он познакомился с Э. Боллинг-Гэлт и в декабре сочетался с ней законным браком.

⁸ Кэбот Лодж в студенческие годы посещал в Гарварде исторический семинар Генри Брукса Адамса, идеологически близкий уже упоминавшемуся семинару Герберта Бакстера Адамса в университете Джона Гопкинса. Будучи редактором гарвардского журнала «International Review», Кэбот Лодж в августе 1879 г. опубликовал первую статью начинающего автора из Принстона В. Вильсона «Cabinet Government in the United States».

Невозможность примирения противоречий между сторонниками и противниками Версальского договора в конце концов привела к тому, что новый Президент Уоррен Гардинг отправил законопроект о ратификации этого договора в корзину. После чего совместная резолюция обеих палат Конгресса просто объявила 2 июля 1921 года о прекращении состояния войны США с Центральными державами³¹, и никаких международных договоров подписывать при этом не пришлось. (Сегодня именно таким способом, без подписания специального договора, и Россия могла бы закончить свою, 60-летней давности военную историю с Японией.)

Одновременно американский Сенат, подзадориваемый прессой и общественным мнением, прямо потребовал от главы государства созвать международную конференцию по ограничению вооружений - таковы были в то время общественные настроения в США.

Это требование законодателей, собственно, совпадало с намерениями самого Президента У.Гардинга относительно нормализации международных отношений, о которых он объявил еще в своей инаугурационной речи.

Тогдашнее миролюбие американского общественного мнения не стоит недооценивать. Ибо, несмотря на впечатляющие успехи в своем экономическом развитии и резкое усиление своего геополитического веса, в военном и военно-политическом отношении Америка 1920-х годов по-прежнему не походила на обычную «великую державу» Старого Света: сторонники, например, создания мощной постоянной армии были здесь в явном меньшинстве.

Уже после победоносного участия американцев в Первой мировой войне в Соединенных Штатах все еще «не было военной касты, которая контролировала бы армию (почти не существовавшую), и, за исключением военного времени, ношение формы не давало никаких социальных преимуществ»³². Даже поддержка героем Великой войны генералом Першингом пропагандистской кампании сторонников введения всеобщей воинской повинности не помогла им достигнуть цели: по завершении военных действий американская армия была сокращена на 125 тыс. человек и главным звеном военной организации страны снова стало ополчение³³. (И, разумеется, тогда трудно было предполагать, что в ходе и после Второй мировой войны в Штатах возникнет такой политико-экономический феномен, как военно-промышленный комплекс.)

Такое состояние общественного мнения страны может показаться странным, если иметь в виду то число войн и военных конфликтов, в которых участвовали американцы на протяжении всей своей истории. По подсчетам американского исследователя середины XX века, каждый четвертый год существования Соединенных Штатов после завоевания ими независимости вследствие революционной войны с Англией 1775-1783 годов был ознаменован военными действиями: 1798-1800 - необъявленная морская война с революционной Францией, 1801-1805 - война с Триполи, 1812-1814 - англо-американская война, 1800-1860 - разнообразные «индейские войны», возникавшие обычно из-за нарушений американским правительством договоров с племенами, 1846-1848 - явно империалистическая война с Мексикой, 1861-1865 - кровавая Гражданская война между Севером и Югом, за которой последовала серия военных операций против индейских племен, 1898 - испано-американская война, 1899-1902 - подавление восстания на Филиппинах; затем необъявленные «карибские войны» Вудро Вильсона: вроде установления протектората над Гаити в 1915 году и оккупации Доминиканской Республики в 1916-м, и, наконец, 1917-1918 - участие США в Первой мировой войне³⁴.

Очевидно при этом, что американское общество реагировало на разнообразные военные конфликты в соответствии с так называемой доктриной Монро, делая очевидное различие между «домашними» войнами и военными операциями в Западном полушарии и на Тихом океане - и конфликтами в Старом Свете.

Уже в июле 1921 года Соединенные Штаты объявили о намерении провести в Вашингтоне международную конференцию, целью которой, кроме сокращения и ограничения вооружений членов клуба великих держав, было еще и урегулирование дальневосточных и тихоокеанских проблем - говоря современным языком, геополитическая стабилизация Азиатско-Тихоокеанского региона³⁵. Приглашение членов клуба для обсуждения последнего вопроса именно в Вашингтоне носило оттенок американо-британской пикировки: ибо за несколько дней до официальной ноты Государственного департамента от Британской империи уже прозвучало предложение провести соответствующую конференцию в Лондоне³⁶. А уже в ходе самой конференции Соединенным Штатам удалось добиться прекращения действия англо-японского договора 1911 года, хотя Великобритания продолжала попытки использовать Токио против Вашингтона в своем собственном соперничестве с США³⁷.

Вашингтонская конференция стала одним из важнейших событий в дипломатической истории Соединенных Штатов, хотя событие это в течение десятилетий явно недооценивалось самими американцами³⁸.

Не меньшее значение имеет эта конференция и для русской истории, хотя Россия не была официальным участником событий: ведь одним из следствий долгих переговоров в Вашингтоне по «русскому вопросу» стало согласие Японии прекратить интервенцию в Советскую Россию и вывести свои войска из Сибири. Кроме того, в ходе конференции выявились важнейшие тенденции как во внешней политике США на русском направлении - стремление к сохранению территориальной целостности России в надежде на скорое исчезновение «красных узурпаторов», - так и в эволюции советского режима - переход от беспорядочного революционизма к упорядоченной государственности³⁹.

Главным, поистине мирового значения успехом Вашингтонской конференции 1921 года следует признать договор между Италией, Францией, Англией, Соединенными Штатами и Японией, заключенный сроком на десять лет, устанавливавший ограничения на количество имеющихся у этих стран крупных боевых кораблей.

12 ноября 1921 года, сразу по открытии конференции, американский государственный секретарь Чарльз Э.Хьюз⁹ выложил карты на стол. Объявив о намерении США существенно снизить расходы на военное строительство, облегчить налоговое бремя и мирным путем урегулировать трения между великими державами, он заявил о готовности Соединенных Штатов немедленно прекратить строительство крупных боевых судов и разрезать «на гвозди» 30 современных кораблей из числа имевшихся в наличии и строившихся на американских верфях. Закончив свою сенсационную речь, Ч.Хьюз обратился к весьма озадаченным представителям двух других великих военно-морских держав того времени - Великобритании и Японии, предложив высказаться относительно своих намерений. В итоге в течение 15 минут было решено уничтожить 66 (!) кораблей

⁹ На президентских выборах 1916 г. Ч.Хьюз проиграл В.Вильсону с минимальным счетом, и лишь возглавив Государственный департамент при У.Гардинге, получил возможность претворить свои внешнеполитические воззрения в жизнь.

общим водоизмещением 1 878 043 тонны⁴⁰.

Вашингтонский договор об ограничении морских вооружений фиксировал паритет обеих англосаксонских держав в этой сфере и разрешал японскому флоту иметь тоннаж, равный трем пятым от тоннажа каждой из них⁴¹: великие державы впервые (по прошествии целых 20 лет после проведения первой Гаагской конференции!¹⁰) смогли договориться о параметрах сокращения своих вооруженных сил.

К сожалению, это первое в истории подобное международное соглашение не получило тогда необходимого продолжения, несмотря даже на заключение, в развитие Вашингтонского договора, еще и Лондонских договоров 1930 и 1936 годов. Уже в 1934 году Япония, в соответствии с оговоренной процедурой, заблаговременно объявила о прекращении действия взятых на себя ограничений и в 1936 году одновременно с подписанием второго Лондонского договора вышла из игры⁴². Италия и до этого проявляла склонность игнорировать эти соглашения, а Германия вообще не была участником ни Вашингтонского, ни Лондонских договоров.

Таким образом, во второй половине 1930-х годов гонка вооружений вновь охватила цивилизованный мир за исключением Соединенных Штатов: не испытывая серьезных угроз откуда бы то ни было, они не особенно спешили вновь вооружать свои военно-морские силы. Весьма показателен тот факт, что к 1941 году американский тихоокеанский флот имел в своем составе лишь один тяжелый крейсер, два легких крейсера, 13 средних эсминцев и 29 подводных лодок. В составе же японского флота уже было, в частности, 10 авианесущих кораблей, 18 тяжелых крейсеров, 18 легких крейсеров, 113 эсминцев и 63 подлодки⁴³.

Лишь после Второй мировой войны, окончательно подорвавшей силы европейских держав и вновь перекроившей карту континента (а также вообще изъывшей Японию из числа великих военных держав), сокращение уровня военного противостояния стало для ведущих мировых держав своего рода политическим императивом.

Следует заметить, что итоги Вашингтонской конференции, в отличие от Версальской, были одобрены американскими законодателями без проволочек⁴⁴: настолько серьезно относились они к вопросам разоружения и «разрядки напряженности» в мире.

Нежелание участия в новых заморских конфликтах было чрезвычайно сильно в американском обществе: тогда обе партии отражали и учитывали эти настроения в своей внешнеполитической риторике и практике. По этой причине даже будущий отец-основатель ООН Франклин Д. Рузвельт должен был в 1932 году публично выступать против идеи вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций. Так называемое «нейтралистское законодательство» 1930-х годов также служит демонстрацией того, насколько сильно было в США желание возвратиться к традиционной для страны внешней политике⁴⁵. В 1935 году Конгресс принял, а Президент Рузвельт подписал Акт о нейтралитете, запрещавший американским гражданам поставлять военные материалы в воюющие государства, а через два года этот запрет был распространен и на предоставление кредитов воюющим сторонам.

¹⁰ Президент У. Гардинг в своем выступлении на Вашингтонской конференции напомнил присутствующим о том, как за 23 года до этого Его Императорское Величество Николай II первым предложил провести конференцию по разоружению.

Интересны в этой связи обстоятельства, сопровождавшие попытку СССР в 1939 году закупить в США военно-морскую и авиационную технику, для чего в Вашингтон была отправлена делегация во главе с первым заместителем наркома ВМФ адмиралом И.С.Исаковым. Советские представители намеревались (при участии брата жены Вячеслава Молотова - предпринимателя Сэма Карпа и его «Carp Export and Import Corporation») заключить контракт на постройку американцами для СССР военного корабля водоизмещением 75 тыс. тонн⁴⁶ и закупить у частных производителей морские орудия и системы управления огнем⁴⁷, а также приобрести у «Боинга» четырехмоторные бомбардировщики и лицензию на их производство, у «Curtiss-Wright Corporation» - истребители и лицензию на их производство, и еще у одной компании - авиационные двигатели⁴⁸.

Сам Ф.Рузвельт был готов удовлетворить желания советских партнеров. По свидетельству заместителя военно-морского министра Эдисона, «пожелания президента в отношении строительства военных кораблей для правительства СССР были ясны, и он считал своим долгом сделать все возможное для облегчения прохождения предлагавшихся сделок», в то время как чиновники военно-морского ведомства США (настроенные антисоветски) всячески сопротивлялись этому⁴⁹.

Неизвестно, как могли развиваться события в Вашингтоне далее, но начало советско-финской войны в ноябре 1939 года поставило крест на планах военного сотрудничества США и СССР⁵⁰: у американцев возникло подозрение, что предполагаемый конечный потребитель покупаемой военной техники относится к числу тех «стран, чьи вооруженные силы вовлечены в воздушные бомбардировки мирного населения», что тогда считалось морально и политически неприемлемым¹⁴.

Осенью 1939 года, после нападения Германии на Польшу и развертывания боевых действий в Европе, большинство американского Конгресса проголосовало за снятие эмбарго на поставки вооружений, но американские изоляционисты, даже после вступления США в войну со странами Оси, не отказались от своих убеждений⁵¹.

Сразу по завершении Второй мировой войны в среде американской политической элиты вновь стали слышны голоса «нейтралистов» и даже антиимпериалистов, поспешивших поставить под сомнение практику создания военных альянсов как таковых, уже не раз приводившую к развязыванию войн. Бывший Президент Герберт Гувер и посол Хью Гибсон, например, на страницах своей книги «Основы длительного мира», вышедшей в свет в 1945 году, прямо заявляли, что «создание любого военного союза само по себе порождает противостоящий ему союз, который, в свою очередь, порождает страхи, ведущие к росту вооружений. Такие альянсы и контральянсы становятся органами соперничества, структурируют его. Они ведут к возобновлению войны, являются отрицанием идеи коллективной безопасности вне зависимости от того, какие словеса об идеалах всемирного мира и способах его формирования могут при этом произноситься.

<...>

Но военные союзы уже возникают прямо у нас на глазах. Британия и Россия, Россия и

¹⁴ Уже через год премьер-министр Британской империи У.Черчилль отдал приказ бомбить немецкие города, а затем немцы в ответ разнесли Ковентри, не говоря уже о множестве других городов в России. Вначале Вторая мировая война, а затем американские ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки окончательно стерли разницу между военными и гражданскими целями.

Франция, Чехословакия и Россия - все они заключили соответствующие соглашения. Никто не может поверить, что представители этих стран в Совете Безопасности будут действительно беспристрастны в вопросах, касающихся их взаимных отношений»⁵².

Эти представители старой школы американской внешней политики явно не разделяли оптимизма Франклина Рузвельта, заявившего, что заключенное в 1944 году в Думбартон-Оксе соглашение представителей антигитлеровской коалиции - Соединенных Штатов, Британской империи, Советского Союза и Китайской Республики (правительства Чан Кайши) - относительно создания ООН «означает конец военных союзов, сфер влияния и балансов сил... которые были испробованы в течение столетий и потерпели крах».

Г.Гувер и Х.Гибсон вполне сознавали трудности создания «такой формы коллективной безопасности, уровень которой превосходил бы уровень безопасности, обеспечиваемой военными союзами»⁵³. По их мнению, для этого «следовало бы подготовить проект новой хартии, участники которой согласились бы с приостановлением их военных союзов в том случае, если большинство Совета Безопасности решит, что эти союзы несовместимы с общими усилиями по поддержанию мира. Этот проект мог бы иметь в виду также и так называемые пакты о ненападении, потому что, как бы невинно они не назывались, все же эти пакты обычно являются средствами воздействия, направленными против некой другой страны (или стран)»⁵⁴.

Ясно, что авторы подобного рода послевоенных размышлений о возможностях устроения длительного мира вряд ли могли бы приветствовать создание НАТО в 1949 году и последующее формирование Варшавского договора. Но ход истории оказался далек от рациональности внешнеполитических воззрений американских антиимпериалистов.

Последней попыткой концептуальной «рационализации» американской внешней политики можно считать знаменитую речь государственного секретаря Дина Ачесона в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне в январе 1950 года, в которой он, признав «невозможность решить военными средствами» все внешнеполитические проблемы страны, призвал американскую дипломатию шире пользоваться ошибками стратегического соперника, умело подогревая противоречия внутри противостоящего лагеря⁵⁵.

Степень милитаризации американской экономики во время Второй мировой войны оказалась, очевидно, гораздо выше, нежели это было в годы Первой мировой. И окончание военных действий на европейском и тихоокеанском театрах не привело на этот раз к экономической демилитаризации США.

Более того, в послевоенное время продолжилось формирование такого феномена американской экономической и политической инфраструктуры, как военно-промышленный комплекс. Уже Президент Дуайт Эйзенхауэр столкнулся с этой новой внутри- и внешнеполитической реальностью, об опасности которой для традиционных американских политических институтов он даже решился публично предупредить страну, правда, лишь накануне оставления должности - в январе 1961 года, в своем прощальном «Обращении к нации»⁵⁶.

С тех пор влияние американского ВПК на принятие внешнеполитических решений росло экспоненциально. Есть веские основания полагать, что многие из этих решений прямо преследовали не национальные интересы страны, а корпоративные интересы соответствующих финансово-промышленных групп. После 1989 года, например, когда Советский Союз отказался от дальнейшего участия в гонке вооружений с Соединенными Штатами, больше ни одна страна мира не угрожала Америке. Однако ее военные расходы

в этих условиях не уменьшились, а даже выросли⁵⁷. Для оправдания этих расходов просто необходимо было расширение глобальной военной активности Вашингтона, которое наблюдается - под разными предлогами - с начала 1990-х годов.

В пору этой военной «глобализации» (к которой еще 100 лет назад, казалось бы, безуспешно призывали как империалистические теоретики, вроде Гомера Ли, так и прагматики, вроде Генри Кэбота Лоджа) в Вашингтоне не принято стало вспоминать о взглядах американских отцов-основателей на мировую роль североамериканской республики. А выражались отцы-основатели на эту тему более чем ясно.

Вот как за два года до провозглашения доктрины Монро, 4 июля 1821 года, один из ее авторов, тогдашний глава Государственного департамента (и будущий президент) Джон Квинси Адамс¹², сформулировал свое отношение к внешнеполитическим целям и задачам своей страны:

«Где бы ни было поднято знамя борьбы за свободу и независимость, с ним всегда пребудут наша душа, наше благословение и наши молитвы.

Но Америка не пойдет за океан, чтобы отыскивать и уничтожать монстров.

<...> Она хорошо знает, что, однажды занявшись не своим делом, даже если это дело чьей-то независимости, она ввяжется во все войны интересов и интриг, личной алчности, зависти и честолюбия, которые присвоят цвета знамени свободы и узурпируют его.

Постепенно основополагающим принципом ее политики вместо свободы станет насилие.

Она [Америка. - *А.Ф.*] может превратиться в мирового диктатора, вопреки собственной натуре...»⁵⁸.

Очевидно, что к сегодняшнему дню - по завершении мировых войн XX века - предположения и опасения Джона К.Адамса стали суровой действительностью американской внешней политики, окончательно отошедшей от традиции своих отцов-основателей, традиции антиимпериализма.

¹Знаменательный факт: война американских колоний за независимость от Лондона была оплачена деньгами французской короны, а не самими мятежными колонистами. См.: *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774-1792. М., 2004. С. 113-114.

²*Tate, Merze.* The Disarmament Illusion: The Movement for a Limitation of Armaments to 1907. N.Y., 1942. P. 169-196, 217-264.

³*Ibidem.* P. 31-162.

⁴Конференция рассмотрела следующие вопросы: 1) сохранение, на известный срок, наличного состава сухопутных и морских вооруженных сил и военных бюджетов и изучение возможностей для их сокращения в будущем; 2) запрещение принятия на вооружение в армиях и флотах какого бы то ни было нового огнестрельного оружия и

¹² Сын президента Джона Адамса и будущий шестой Президент США (в 1825-1829 гг.) Джон Квинси Адамс имел возможность лично наблюдать европейскую политику своего времени: в 1809-1814 гг. он был американским послом при русском императоре.

новых взрывчатых веществ, включая порох; 3) ограничение употребления в полевой войне разрушительных взрывчатых составов, а также запрещение пользоваться метательными снарядами с воздушных шаров; 4) запрещение подводных миноносных лодок и иных средств того же свойства; 5) применение к морским войнам Женевской конвенции 1864 г. и дополнительных к ней постановлений 1868 г.; 6) признание нейтральными судов и шлюпок, используемых для спасания утопающих во время или после морских сражений; 7) пересмотр Брюссельской декларации 1874 г. о законах и обычаях войны, все еще не ратифицированной; 8) установление правил и способов посредничества и добровольного третейского разбирательства с целью предотвращения вооруженных столкновений между государствами. См.: Гагская мирная конференция 1899 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

⁵Материалы конференции опубликованы // *Conférence internationale de la Paix*. La Haye, 1900.

⁶*Bailey, Thomas A. A Diplomatic History of the American People*. N.Y., 1940. P. 548-563, 571-573.

⁷*Bailey, Thomas A. Op. cit.* P. 577-591.

⁸Американский историк неслучайно назвал «годами учения» этот период внешнеполитической деятельности Тафта. См.: *Minger, Ralph Eldin. William Howard Taft and United States Foreign Policy: The Apprenticeship Years, 1900-1908*. Urbana, IL, 1975.

⁹*Ibidem*. P. 176.

¹⁰*Ibidem*. P. 175.

¹¹*Bailey, Thomas A. Op. cit.* P. 577.

¹²За процессом строительства мировой империи нового типа, продолжившимся и после У.Тафта, внимательно наблюдали из красной Москвы. См.: *Симонов П.* Новая мировая империя // *Международная жизнь*. 1922. №16 (134). С. 42-46.

¹³Военный теоретик Г.Ли с поразительной точностью просчитал, например, за какое время японцы, в случае их вторжения на Филиппины, смогут захватить Манилу. См.: *Fleming, Thomas. Homer Lea & the Decline of the West* // *American Heritage Magazine*. May/June 1988. Vol. 39. Issue 4.

¹⁴*Lea, Homer. The Valor of Ignorance*. N.Y., London, 1909; *The Day of the Saxon*. N.Y., London, 1912.

¹⁵Таким образом, современные попытки Генри Киссинджера со товарищи повторно разыграть «китайскую карту», соблазнив красный Китай бывшей советской ролью «второй сверхдержавы», имеют уже столетнюю интеллектуальную предысторию. Впрочем, не только интеллектуальную: именно в США производился и сбор средств «на китайскую революцию», и вербовка, и военная подготовка добровольцев для революционной армии. См.: *Los Angeles Times*. 2001. 2 September; *Fleming, Thomas. Op. cit.*

¹⁶*New York Times*. 1913. 8 June.

¹⁷*Ibidem*.

¹⁸*Barnes, Harry Elmer. The World War of 1914-1918* // *War in the Twentieth Century* / Waller, Willard. Ed. N.Y., 1940. P. 72.

¹⁹Командующий британскими войсками во Франции Джон Френч в разговоре с

американским послом в Лондоне У.Пэйджем назвал это предложение уже *четвертым* по счету! См.: *Hendrick, Burton J. The Life and Letters of Walter H. Page. Vol. I. Garden City, N.Y., 1922. P. 424-436.*

²⁰Вильсон, по словам Хауза, считал, что «война - это в лучшем случае азартная игра, но в ней слишком много ставится на карту, чтобы стоило в нее ввязываться». Цит. по: *Hendrick, Burton J. Op. cit. Vol. I. P. 423.*

²¹*Ibidem. P. 428.*

²²*Ibidem. P. 353; Venner, Dominique. Le Siècle de 1914. Utopies, guerres et révolutions en Europe au XX siècle. Paris, 2006. P. 89.*

²³Цит. по: *Hendrick, Burton J. Op. cit. Vol. II. P. 110.*

²⁴*Barnes, Harry Elmer. Op. cit. P. 74.* Неординарные действия У. Пэйджа в Лондоне напоминают таковые же действия по укреплению блокового Соглашения русского императорского посла в Париже А.П. Извольского в 1912-1914 гг. накануне войны - в пору президентства Р.Пуанкаре. См.: *Schuman, Frederick L. War and Diplomacy in the French Republic: An Inquiry into Political Motivations and the Control of Foreign Policy. Chicago, 1931. P. 190-191.*

²⁵*Cronau, Rudolf. The British Black Book. N.Y., 1915. P. 74-85, 95-119; Barnes, Harry Elmer. Op. cit. P. 80-81.*

²⁶*Barnes, Harry Elmer. Op. cit. P. 76.*

²⁷*Ibidem. P. 72-73.*

²⁸*Ibidem. P. 74-75.*

²⁹*Lundberg, George A. American Foreign Policy in the Light of National Interest at the Mid-Century // Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and its Aftermath / Barnes, Harry Elmer. Ed. Caldwell, Idaho, 1953. P. 562.*

³⁰New York World-Telegram. 1945. 8 May. Цит. по: *Beard, C.A. American Foreign Policy in the Making, 1932-1940. New Haven, Conn., 1946. P. 19.*

³¹*Ibidem. P. 681.*

³²*Commager, Henry Steele. The American Mind. An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. New Haven, 1950. P. 16.*

³³*Beard, Charles A. & Mary R. The Rise of American Civilization. N.Y., 1935. Vol. 2. P. 688.*

³⁴*Sibley, Mulford Q. American Perspective. 1950. Winter. P. 12. Цит. по: Lundberg, George A. Op. cit. P. 567.*

³⁵*Dukes, Paul. The USA in the Making of the USSR. The Washington Conference, 1921-1922, and "Uninvited Russia". London, N.Y., 2004. P. VII.*

³⁶*Ibidem. P. 4.*

³⁷*Goldberg, Harold J. Ed. Documents of Soviet-American Relations. vol. 1. Intervention, Famine Relief, International Affairs, 1917-1933. Gulf Breeze, Florida, 1993. P. 132-140.*

³⁸*LaFeber, Walter. The Clash: US-Japanese Relations Throughout History. N.Y., 1997. P. XIX.*

³⁹*Dukes, Paul. Op. cit. P. VII-VIII.*

⁴⁰*Bailey, Thomas A.* Op. cit. P. 688-699.

⁴¹В реальности, впрочем, американский флот достиг паритета с британским лишь к 1942 г., а наличие многочисленных баз давало британцам еще большие преимущества. См.: *Goldman, Emily O.* *Sunken Treaties: Naval Arms Control between the Wars.* University Park, PA, 1994. P. 169, 172.

⁴²*Goldman, Emily O.* Op. cit. P. 2.

⁴³*Fleming, Thomas.* Op. cit.

⁴⁴*Beard, Charles A. & Mary R.* Op. cit. Vol. 2. P. 689-691.

⁴⁵*Lundberg, George A.* Op. cit. P. 562.

⁴⁶Time. 1942. 14 Sep.

⁴⁷The Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1939. P. 875.

⁴⁸*Ibidem.* P. 902.

⁴⁹*Ibidem.* P. 884.

⁵⁰*Ibidem.* P. 903.

⁵¹Об этом свидетельствуют, в частности, изданные дневники одного из лидеров изоляционистов, сенатора Ванденберга: *The Private Papers of Senator Vandenberg.* Boston, 1952. P. 16-20.

⁵²*Hoover, Herbert and Gibson, Hugh.* *The Basis of Lasting Peace.* N.Y., 1945. P. 36-37.

⁵³*Ibidem.* P. 36.

⁵⁴*Ibidem.* P. 37.

⁵⁵New York Times. 1950. 13 January.

⁵⁶*Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower, 1960-61: Containing the public messages and statements of the president, January 1, 1960 to January 20, 1961.* Washington, D.C., 1960. P. 1035-1040.

⁵⁷*Bonner, Bill and Wiggin, Addison.* *Empire of Debt. The Rise of an Epic Financial Crisis.* Hoboken, NJ, 2006. P. 79-80.

⁵⁸Цит. по: Ed. John Quincy Adams and *American Continental Empire: Letters, Papers and Speeches* / LaFeber, Walter. Ed. Chicago, 1965. P. 45.